

Новая газ-2001-16 дек-с.22

В этом году музыкальную программу «Декабрьских вечеров» в ГМИИ имени А.С. Пушкина сопровождают две экспозиции.

Во-первых, «Живопись Клода Моне из российских и зарубежных музеев». В обычные дни в залах, откуда теперь и перебралось на неудобную для показа картин колоннаду большинство полотен, зрителей меньше на порядок. И все же увидеть выставку стоит. «Прибытие поезда из Нормандии» прибыло в Москву из Чикаго, «Автопортрет в мастерской» более привычен посетителям парижского музея Мармоттан. Есть экспонаты из нью-йоркского Метрополитен-музея, бременского Кунстхалле, музея в Страсбурге...

Когда в 1872 году Моне создавал свое впоследствии знаменитое полотно «Впечатление. Восход солнца», он вряд ли предполагал, что всего через два года эта картина, представленная на парижской выставке, даст имя целому художественному направлению: импрессионизму.

Художники-импрессионисты («впечатленцы»), среди которых были Эдгар Дега, Камиль Писарро, Огюст Ренуар и многие другие, стремились с помощью

Жак Эмиль Бланш.
Портрет Марселя Пруста

ОПЯТЬ МОСКВА ФРАНЦУЗАМ ОТДАНА

Музыкальную программу
«Декабрьских вечеров»
в Пушкинском музее
сопровожают Моне и Пруст

живописи к передаче тех переживаний, что обнаруживает в себе человек, вдруг восхитившийся солнечными лучами, блеском водной поверхности. Перво-степенным «героем» их картин стал солнечный свет — растворяющийся во влажном воздухе, окутывающий предметы, здания и фигуры людей.

Автору «Завтрака на траве» (1866), выпускнику парижской Школы изящных искусств, почитателю живописи англичан Тернера и Констебля, совершившему путешествия в Лондон и Венецию, довелось оставить заметный след и в истории российского меценатства рубежа XX века. В 1898 году одна из картин Моне положила начало знаменитой коллекции французской живописи Сергея Шукина, к тому времени унаследовавшего знаменитую торговую фирму. До сих пор неясно, были ли это «Сирень на солнце» (1872) или «Скалы в Бель-Иль» (1886).

Вторая выставка называется «В сторону Пруста».

...Недавно на одной из московских улиц заметил вывеску то ли ресторана, то ли бильярдного клуба. Так прямо и написано: «Остров Крым» (в тот день двумя часами раньше из киоска у метро мне горланили песни на стихи Пастернака). Еще припоминаю попытки снять фильм по «Мастеру и Маргарите», поставить балет на льду «Мертвые души»...

Выставка в музее — не песня в три аккорда. И все же, все же... Массовое сознание готово приспособить к себе очень многое, но есть такие сюжеты и темы, которые с особым трудом поддаются подобной адаптации. Одна из непреодолимых материй — Марсель Пруст. Его проза располагает либо к глубоко личному, прочувствованному восприятию, либо к столь же категоричному отторжению, а биография в России не особенно и известна.

Подобно музейщикам Третьяковки, в эти дни взвалившим на себя непосильный труд представления композитора Шёнберга, сотрудники ГМИИ попытались упрятать в несколько стеклянных витрин литературное творчество писателя, разменять его имя на сезонную «светскость».

Давнее издание на французском языке с трогательным чернильным штампом «Проверено. 1948 г.». Чей-то альбом с видами Парижа конца XIX века. Фотографические пейзажи Венеции, литографированные афиши Альфонса Мухи к спектаклям Сары Бернар, отчего-то закрытый альбом рисунков самого писателя и книги, книги, книги с одинаковыми портретами на обложках.

Впрочем, такая выставка — хороший повод показать живопись, что в будни хранится в музейных запасниках.